

лейный ленинский труп в стеклянном ящике призван был служить не только наглядным пособием по партийному эпосу, но и, так сказать, воплощать в себе посмертное бытие коммунистического титана. В романе Олеси тяга мечтательного героя — Кавалерова к такой же запечатленной, материализованной славе изначально сплетается с завистливой ненавистью к ее державному носителю. Поэтому завуалированный, но все же легко поддающийся реконструкции мотив мавзолея, одобренный пародийной отроческой романтикой, непосредственно увязывается с мотивом террористического акта, а последний — с внезапным, но, в сущности, вполне подготовленным и симптоматическим упоминанием имени Каплан:

«Вспоминаю из детских лет: я, гимназист, приведен в музей восковых фигур. В стеклянном кубе красивый мужчина во фраке, с огнедышащей раной в груди, умирал на чых-то руках.

— Это французский президент Карно, раненный анархистом, — объяснил мне отец.

(...) Я смотрел как зачарованный. Прекрасный мужчина лежал, задрал бороду, в зеленом кубе (чем не мумия Ленина под стеклом? Кстати, мавзолей по первоначальному, разрекламированному замыслу, должен был иметь форму куба. — М. В.). Это было прекрасно (...) Я решил стать знаменитым, чтобы некогда мой восковой двойник (...) вот так же красовался в зеленоватом кубе.

Теперь я пишу репертуар для эстрадников:

В учрежденье шум и тарарам.

Все давно смешалось там:

Машинистке Лизочке Каплан

Подарили барабан...»

История с выстрелом Каплан спроецирована в «Зависти» все на того же Андрея Бабичева. Стоит сопоставить упоминание о его ране — «на груди у него, под правой ключицей, был шрам» — с медицинским обследованием раненого Ленина: пуля осела над правой ключицей.

Для лучшего уяснения сюжета следует учитывать, что фигура Ленина в тогдашней коммунистической мифологии постоянно раздваивалась: бок о бок с обожествленным вождем-«истуканом» продолжал сосуществовать «земной Ленин» во всем суетливо-незатейливом многообразии его личностного облика, окрашенного в сентиментальные тона. Отсюда постоянный для агиографики 20-х годов мотив Ильича — душевного «старшего брата»¹¹, по-своему интерпретированный Ю. Олешей.

По мере разрастания А. Бабичева в «грозного, неодолимого идола», чья «тень Буддой¹² низвергается на город», индивидуальные приметы «самого человеческого человека», пародийно и вместе романтически утрированные, передаются *старшему брату* героя, провозгласившему восстание чувств. Сакраментальная наружность «живого Ильича» воспроизведена в Иване Бабичеве, описанном как *плешивый и большелобый, «маленького роста широкоплечий человек», с «поигрываньем в уголке глаза», передвигающийся «торопящейся походкой с подбрасываньем всего туловища»*. (Вместе с тем в конце романа упоминается о примечательном внешнем сходстве братьев.) В то же время этот главный антагонист правителя — завсегда пивных, «лентяй, вредный, заразительный человек» — в какой-то степени напоминает брата Ленина — Дмитрия Ильича, снискавшего репутацию мечтательного бездельника, недоучки и неудачника в семье Ульяновых¹³. Не в пример прочим родственникам Ленина, он занимал после революции преимущественно лишь полуфиктивные, хотя и льготные должности, едва ли не самой значительной из которых было кратковременное заведование крымскими курортами после гражданской войны. С Иваном Бабичевым — «механиком» и «мастером на все руки» — Дмитрия Ульянова, санитарного врача, роднит и любительский интерес к изобретательству, правда, отмеченный печатью казусного дилетантизма¹⁴. Экзотические прожекты Дм. Ульянова весьма напоминали мистификации